Volume 24 Issue 41
Originally issued as F5

Global Journal of Human-Social Science: F
Political Science
Volume 24 Issue 5 Version 1.0 Year 2024
Type: Double Blind Peer Reviewed International Research Journal
Publisher: Global Journals
Online ISSN: 2249-460X & Print ISSN: 0975-587X

Classification of the Bulgarian-Tatar Epigraphic Monuments and Some Controversial Problems of their Study

By Vener Usmanov

The Purpose of the Study- Identification of some unsolved problems of studying and fixing the Bulgarian-Tatar epigraphic monuments. Performing high-quality photographic documentation with accompanying drawings and partial reconstructions. Complete or fragmentary restoration of damaged epitaphs becomes feasible only with a paleographic comparative analysis of calligraphic compositions. At the same time, the main carrier of information about the artifact, in addition to the object under study, is a full–fledged high-quality photograph of the epigraphic monument from all sides where the necessary data are available - compositional solutions, calligraphic decor, ornamental motifs, texts, etc.

In the course of our scientific work, local field studies were conducted on the ground, museum and archival materials were studied and the necessary literature on this topic was reviewed. In our opinion, previous researchers analyzed these artifacts one-sidedly, not comprehensively, for example, from the point of view of philologists only, without taking into account paleographic or artistic characteristics, or vice versa, art historians did not particularly delve into the content of texts and writing features.

Keywords: bulgarian-tatar epigraphy, bulgarian language, r-language, common turkic language, drawings, restoration of texts, transliteration, paleographic and orthographic norms, classification.

GJHSS-F Classification: LCC: JQ3599

Strictly as per the compliance and regulations of:

© 2024. Vener Usmanov. This research/review article is distributed under the terms of the Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International (CC BY-NC-ND 4.0). You must give appropriate credit to authors and reference this article if parts of the article are reproduced in any manner. Applicable licensing terms are at https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/.

Classification of the Bulgarian-Tatar Epigraphic Monuments and Some Controversial Problems of their Study

Классификация Булгаро-Татарских Эпиграфических Памятников и Некоторые Дискуссионные Проблемы их Изучения

Vener Usmanov

The Purpose of the Study- Identification of some unsolved problems of studying and fixing the Bulgarian-Tatar epigraphic monuments. Performing high-quality photographic documentation with accompanying drawings and partial reconstructions. Complete or fragmentary restoration of damaged epitaphs becomes feasible only with a paleographic comparative analysis of calligraphic compositions. At the same time, the main carrier of information about the artifact, in addition to the object under study, is a full–fledged high-quality photograph of the epigraphic monument from all sides where the necessary data are available - compositional solutions, calligraphic decor, ornamental motifs, texts, etc.

In the course of our scientific work, local field studies were conducted on the ground, museum and archival materials were studied and the necessary literature on this topic was reviewed. In our opinion, previous researchers analyzed these artifacts one-sidedly, not comprehensively, for example, from the point of view of philologists only, without taking into account paleographic or artistic characteristics, or vice versa, art historians did not particularly delve into the content of texts and writing features. Despite the tremendous work done by epigraphists O. N.-A. Akchokrakly, N. F. Kalinin, G. V. Yusupov, J. G. Mukhametshin, F. H. Valeev and F. S. Khakimzyanov, there are many unresolved problems in this direction: for example, the question of the status of the Bulgarian (written and spoken) language in the Golden Horde period, the accuracy of its transmission in transliteration with elements of transcription, the correctness readings of some lexemes and personal names, uncertainty of the semantic meaning of a number of words, names and terms, etc. And also, when documenting: the lack of high-quality photographs, illustrations and prints. Often, many of the prints taken are not brought to their logical conclusion, as usual, they lack conscious ink images and texts where the paleographic subtleties of Arabic writing would be clearly displayed. As you know, the main carrier of information about the object is well-executed high-quality photography from all sides, where there is full-fledged graphic information about the cabretache with readable text; in epigraphy studies, ignoring high-quality photographs, prints, prints is unacceptable, since all this contradicts mandatory requirements and elementary methods of scientific work; i.e., the visual component is in this case, it prevails, and everything else is complementary; to offer readers the text of the reading (transliteration, transcription) without a case, i.e. without photographs of epigraphic monuments, we researchers are not satisfied at all, since the compilation of catalogs and registers, without proper quality of graphic images of gravestone steles, (we ourselves do not notice this) impose our own versions of reading epitaphs as an indisputable truth and do not leave the opportunity for readers to verify the correctness of the contents of the proposed lapidary texts.

If we recall some pages from history, in the Golden Horde, in particular, in the Bulgarian Vilayat, two independent Turkic languages continued to exist: international Kipchak-Oguz (Old Tatar) and Bulgarian (it often happens that specialists in Turkology leave this (Bulgarian) direction in linguistics outside of scientific interests (apparently for this reason for this reason, the author of this article, who has only an art education, has to deal with this problem). In this state, there were more opportunities for the spread and development of the Oguzo-Kipchak language (for obvious reasons), and Bulgarian continued to exist, in parallel, only within the Middle Volga region, i.e. both Turkic languages existed simultaneously. For more than 100 years, the Bulgarian territory has been part of the Juchi Ulus and the ethno-linguistic changes caused by it have been taking place in favor of the Kipchak-Oguz language of the general Turkic type. And these phenomena are fully reflected in the epitaphs of the XIII-XV centuries. For example, some Bulgarian words are eventually replaced by Old Tatar ones: instead of the Bulgarian word "grave monument" or "burial place" بلۏی ک (**«беләвике»**) the old Tatar is used, with a similar meaning زیارتی (**«зиярәте»**) [21, p. 249].

There is a need to consolidate and study the Bulgarian-Tatar epigraphic monuments at a qualitatively new level with good photographic fixation, without special material costs, at least using traditional methods of making drawings, as far as possible, taking into account the paleographic features of the texts, with further compilation of a complete set of artifacts with subsequent publication of catalogs.

Bearing in mind the above-mentioned guidelines, in recent years books with better printing and with the obligatory availability of rich illustrative material have been published [20, pp.1-282].

Keywords: bulgarian-tatar epigraphy, bulgarian language, r-language, common turkic language, drawings, restoration of texts, transliteration, paleographic and orthographic norms, classification.

Цель исследования- **выявление некоторых нерешенных проблем изучения и фиксации булгаро-татарских**

Author: e-mail: v.m.usmanov@mail.ru

© 2024 Global Journals

эпиграфических памятников. Выполнение качественной фотодокументации с сопровождающими прорисовками и с частичными реконструкциями. Полное или фрагментарное восстановление поврежденных эпитафий становится осуществимым только при палеографическом сопоставительном анализе каллиграфических композиций. При этом главным носителем информации об артефакте кроме исследуемого объекта является полноценная качественная фотография эпиграфического памятника со всех сторон где имеются необходимые данные – композиционные решения, каллиграфический декор, орнаментальные мотивы, тексты и т.п.

В ходе нашей научной работы были проведены локальные полевые исследования на местах, изучены музейные и архивные материалы и обзор необходимой литературы по этой теме. Предыдущими исследователями эти артефакты были анализированы, по нашему мнению однобоко, не комплексно, например, с точки зрения лишь филологов, без учета палеографических или художественных характеристик или наоборот искусствоведами особо не вникая в содержание текстов и особенностей письма. Несмотря на огромную проделанную работу эпиграфистами О. Н.-А. Акчокраклы, Н. Ф. Калининым, Г. В. Юсуповым, Дж. Г. Мухаметшиным, Ф. Х. Валеевым и Ф. С. Хакимзяновым остается много нерешенных проблем в этом направлении: например, вопрос статуса булгарского (письменного и разговорного) языка в Золотоордынский период, точность его передачи в транслитерации с элементами транскрипции, правильность прочтения некоторых лексем и личных имен, неопределенность смыслового значения ряда слов, названий и терминов и т. д. А также, при документировании: отсутствие качественных фотографий, иллюстраций и эстампажей. Зачастую многие снятые оттиски не доведены до логического конца, как обычно, в них отсутствуют осознанные туширование изображения и тексты где четко были бы отображены палеографические тонкости арабского письма. Как известно, главным носителем информации об объекте является хорошо выполненная качественная фотосъемка со всех сторон, где имеется полноценная графическая информация о кабрташе с читабельным текстом; в исследованиях по эпиграфике игнорирование качественных фотографий, эстампов, оттисков недопустимо, так как, это все противоречит обязательным требованиям и элементарным методам научной работы; т.е. изобразительная составляющая является в этом деле превалирующей, а все остальное – дополняющей; предлагать читателям текст чтения (транслитерацию, транскрипцию) без корпуса, т.е. без фотографий эпиграфических памятников, нас – исследователей совершенно не устраивает, так как, составление каталогов и реестров, без надлежащего качества графических изображений надмогильных стел, (мы сами не замечая этого) навязываем свои варианты прочтения эпитафий как непререкаемая истина и не оставляем возможность читателям проверять правильность содержаний предлагаемых лапидарных текстов.

Если вспомнить некоторые страницы из истории, в Золотой Орде, в частности, в Булгарском вилаяте продолжало существовать два самостоятельных тюркских языка: международный кыпчакско-огузский (старо-татарский) и булгарский (нередко бывает так что, специалисты-тюркологи оставляют это (булгарское) направление в лингвистике вне научных интересов (видимо, по этой причине этой проблемой приходится заниматься автору этой статьи, имеющий лишь художественное образование). В этом государстве для распространения и развития огузо-кипчакского языка (по понятным причинам) было больше возможностей, а булгарский продолжал существовать, параллельно, лишь в пределах Среднего Поволжья, т.е. оба тюркских языка существовали одновременно. В течение более 100 лет пребывания Булгарской территории в составе Джучиева Улуса и вызванные с ним этно-лингвистические изменения происходят в пользу кыпчакско-огузского языка общетюркского типа. И эти явления полностью отражаются в эпитафиях XIII-XV вв. Например, некоторые булгарские слова со временем заменяются на старо-татарские: вместо булгарского слова «намогильный памятник» или «место погребения» بلۈی ک (*«беләвике»*) употребляется старо-татарское, аналогичного значения زیارتی (*«зиярәте»*) [Усманов 2023: б. 500].

Есть необходимость закрепления и изучения булгаро-татарских эпиграфических памятников на качественно новом уровне с хорошей фотофиксацией, без особых материальных затрат, хотя бы, используя традиционные способы выполнения прорисовок, насколько это возможно, учитывая палеографические особенности текстов, с дальнейшим составлением полного свода артефактов с последующим изданием каталогов.

Имея ввиду вышеназванные установки, в последние годы издаются книги с более качественной печатью и с обязательным наличием богатого иллюстративного материала [Д.Г. Мөхәммәтшин, Р.Г. Насыйров 2023: 282 б.].

Ключевые слова: булгаро-татарская эпиграфика, булгарский язык, р-язык, общетюркский язык, прорисовки, реставрация текстов, транслитерация, палеографическо-орфографические нормы, классиф-икация.

I. Introduction

В данной статье рассматриваются эпиграфические памятники (кабрташи) Волжской Булгарии эпохи Золотой Орды [Валеев 2020: 116]. Обычно, у мусульман вместо слова «*надгробие*» [Валеев 1984: 71] принято использовать термин «*на(д)могильный камень*». Они являются очень ценными первоисточниками, достоверными документами без последующих добавлений и исправлений (в отличии, скажем, от рукописных книг) по истории этногенеза шимали-тюркских народов, в частности, по вопросам происхождения и географического расселения казанских татар, да и не только [Эпитафии мусульманских ученых Самарканда (X-XIV вв.) 2019]. Кроме этого, мемориальные памятники являются произведениями искусства, где соединяются многие виды творчества: архитектура, декор, поэзия, каллиграфия и т.п. Они, с каждым годом, по причине отрицательных природных воздействий разрушаются и исчезают безвозвратно. И поэтому, сохранение, фиксация, документирование этих артефактов становится для нас насущной потребностью [Ашмарин 2017: 143].

© 2024 Global Journals

Эта работа, связанная по составлению каталогов (подобно хронологическому регистру) и издание их в виде печатных книг является вполне осуществимой задачей и она, шаг за шагом продвигается: например, из сохранившихся памятников XIII-XVII в. относительно хорошо изучены; а артефакты XVIII-XX в. тоже можно осилить, акцентируясь на наиболее значимых с художественной точки зрения эпитафиях). Только, таким образом, можно их собрать в одном месте и сохранить для потомков. (Кроме всего, это наследие может быть и в электронных носителях, сейчас ведь возможностей очень много).

Словом, изучение эпиграфических памятников требует целенаправленной работы по выявлению и фиксации (определение размеров, координат, аккуратная и осторожная очистка поверхностей камня от мха и лишайников со всей поверхности и со всех сторон, где имеется какая-либо информация, связанная непосредственно с текстом или с декоративным оформлением) всех булгаро-татарских кабрташей в ходе научных экспедиций по имеющимся «адресам». Обязательное «личное знакомство» с каждой значимой с исторической и с художественной точки зрения эпитафией на местах расположения.

Если камень частично «ушел в землю» то, в этом случае, необходимо аккуратно выкопать эпитафию для фотофиксации с последующей расшифровкой всего сохранившегося текста. Надо подчеркнуть, артефакты-эпитафии в процессе фиксации требуют особого внимания и бережного отношения: при очистке от следов биодеструкций требуется старание, аккуратность и предоставление необходимого времени – столько, сколько необходимо. «Обычно эти памятники, если раньше кем-нибудь не очищались с целью прочтения, бывают покрыты сплошным слоем разъедающего камень лишайника; с ними приходится долго возиться, отмачивая горячей водой с мыльной пеной и очищая травяной щеткой. Только такой тщательной очистки удается удовлетворительно разобраться в некоторых надписях» [Рахим 1930: 145-172].

При очистке и чтении текста важна любая маленькая деталь: элементы букв, огласовки, точки и т.п. А по другому, никак. Это первооснова! Без такого подхода к работе не может быть никакого серьезного исследования с последующим выполнением прорисовки.

В ходе эпиграфических исследований лишь в середине и второй половине XX в., после Н.Ф. Калинина была проведена корректировка классификации памятников времен Золотой Орды, чуть позднее, с некоторыми дополнениями Г. В. Юсуповым и Ф. Хакимзяновым [Мухаметшин 2008: 132] были разделены на две группы по языку, размерам и стилю оформлений. В ходе дальнейших исследований Дж. Мухаметшин осуществляет классификацию *булгаро-татарских эпиграфических памятников* на четыре группы по географическому принципу подчиняя к нему остальные: 1) булгарский, 2) кирмень-джукетауский, 3) восточный и 4) северный округа.

Мы предлагаем следующую классификацию (типологизацию):

1 тип – эпитафии созданные в мастерских г. Болгар: Этого типа эпитафии находятся в разных географических зонах: на современной территории Татарстана, Башкортостана, Чувашии, Ульяновской обл. и в г. Казани [Казаков 1987: 240]. (Не исключается существование отдельных мастерских по изготовлению надмогильных памятников в г. Казани в этот период, тесно связанной с Болгаром). Эпитафии г. Болгара отличаются высоким художественным уровнем исполнения, в особенности принадлежащие правящему классу общества. Видимо, в главном городе Булгарского вилаята существовала не одна, а, несколько мастерских, работающих по цеховому принципу.

В свою очередь, 1-ый тип можно разделить на следующие подтипы:

а) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара почерком бегущий сульс (или насх) рельефным способом на арабском языке принадлежащие правящей верхушке, военной и торговой аристократии и служителям культа (Рис. 1);

© 2024 Global Journals

Рис. 1: Эпиграфический памятник Сабар-Илчи, дочери Бураш-бека, 1291 г. (г. Казань, Республика Татарстан)

б) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара рельефным почерком бегущий сульс (или насх) на арабском и татарском[1] языках принадлежащих правящей верхушке, военной и торговой аристократии и служителям культа;

Рис. 2

Рис. 2: Эпиграфический памятник Шахидуллы, сына Мусы, 1317/1318 гг. (г. Болгар, Республика Татарстан)

[1] Как правило, эпитафии на этих памятниках написаны на арабском и на литературном старо-татарском языке кипчакско-огузского типа (*«татарским письмом»)* [Трепавлов 2024:773], который часто идентифицируется с (чагатайским) тюрки. Следует подчеркнуть, здесь нельзя противопоставлять поволжский тюркский (старотатарский литературный) язык со среднеазиатским, «чагатайский язык образовался в связи с культурным влиянием Золотой Орды на Туркестан, а не наоборот» [Бартольд 2020: 121]. Что касается староузбекских эпиграфических памятников, то они, вероятно, после эпохи великого Алишера Навои (преимущественно) выполнялись уже не на тюркском (староузбекском), а на персидском и арабском языках [Бартольд 2020: 7].

© 2024 Global Journals

в) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара в сочетании с рельефным почерком бегущий сульс (насх) и рельефный куфи на арабском, татарском и булгарском языках принадлежащих правящей верхушке, военной и торговой аристократии и служителям культа (Рис. 3, 4);

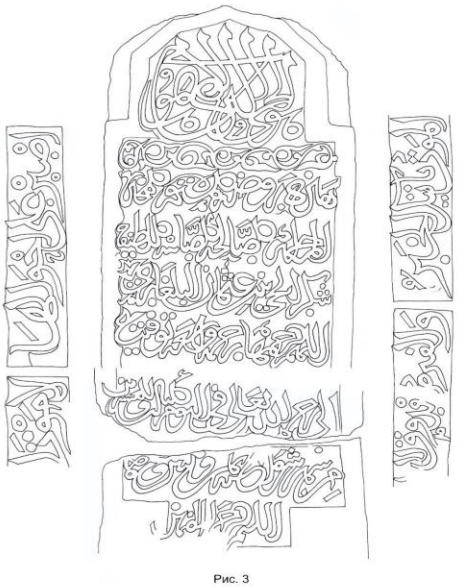


Рис. 3

Рис. 3: Эпиграфический памятник Шекер-илчи, дочери Османа Булгарского (с. Татарское Шапкино Алькеевского района Республики Татарстан).

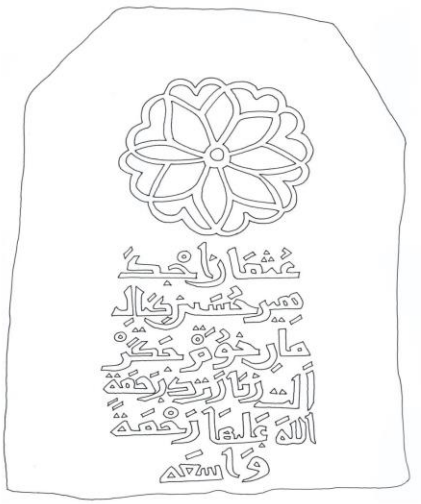


Рис. 4

Рис. 4: Эпиграфический памятник Джак-ар-Алти (село Татарское Шапкино Алькеевского района Республики Татарстан)

© 2024 Global Journals

г) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара почерком рельефным куфи на арабском и булгарском языках принадлежащих среднему классу; (видимо, с принятием ислама для тюрко-булгарского языка и в последующие столетия традиционно использовался куфи («*бозык куфи*»), хотя куфический вид письма сами арабы избавились уже в IX веке [Алиева 2009: 392], (Рис. 6);

Рис. 6: Эпиграфический памятник Исмагила, сына Маджара, 1311/1312 гг. (с. г. Чистополь, Республики Татарстан).

д) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара рельефным куфи и врезанным куфи на арабском и татарском языках (Рис. 7);

Рис. 7: Эпиграфический памятник Ар-Ходжи, сына Йуркуча. (с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области)

© 2024 Global Journals

е) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара врезанным почерком куфи на арабском и булгарском языках (Рис. 8);

Рис. 8

Рис. 8: Эпиграфический памятник Йалу, дочери Хуалджи. (с. Чувашская Елтань Чистопольского района Республики Татарстан)

ж) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара рельефным почерком куфи и врезанным почерком насх на арабском и татарском языках (Рис. 5);

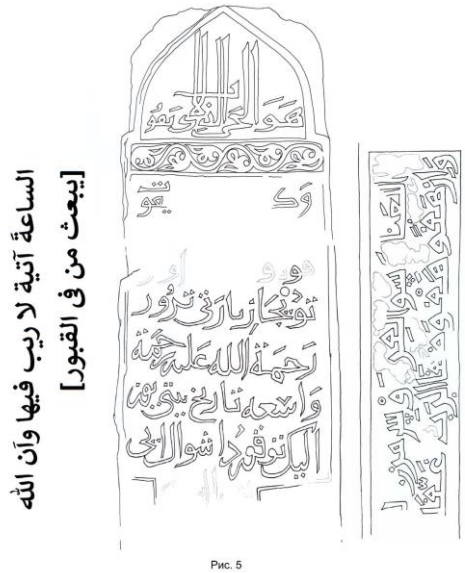


Рис. 5

Рис. 5: Эпиграфический памятник Туйджи, сына Кутлуга, 1358 г. (с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области)

© 2024 Global Journals

з) эпитафии созданные в мастерских г. Болгара врезанным почерком насх на арабском и татарском языках (Рис. 9);

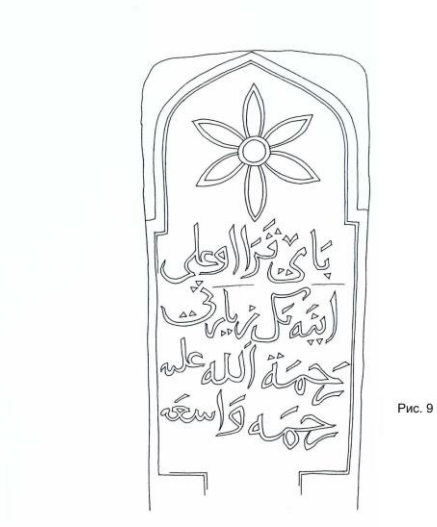


Рис. 9: Эпиграфический памятник Инабека, сына Байкары. (с. Татарский Калмаюр Чердаклинского района Ульяновской области)

2 тип – эпитафии созданные в кирмен-джукетауском округе.

Этой группы «провинциальные» кабрташи отличаются меньшим количеством, ниже уровнем исполнения, лаконичностью, а также, по особенностям типажа, размеров, пропорций и стиля;

а) эпитафии изготовленные рельефным простым почерком куфи на арабском, булгарском и старотатарском языках в мастерских Биляра, Джукетау (тат.:*Җүкәтау*) и Кирмени и примыкающим к этим городам населенных пунктов; эти памятники приземистые, с пологими арками и отличаются большей шириной [Д.Г. Мөхәммәтшин, Р.Г. Насыйров 2023: 282 б.] (Рис. 10);

Рис. 10: Эпиграфический памятник Мухаммада, сына Йусуфа, 1333 г. (с. Ст. Ромашкино Чистопольского района Республики Татарстан)

© 2024 Global Journals

б) эпитафии созданные врезанными почерками куфи и насх на арабском, булгарском и старотатарском языках в мастерских Биляра, Джукетау и Кирмени и примыкающим к этим городам населенных пунктов;

3 тип – эпитафии созданные почерком врезанный насх в провинциальных округах.

а) эпитафии созданные почерком насх на арабском и татарском языках на современной территории Татарстана, Башкортостана, Удмуртии, Кировской и Ульяновской областях разными местными резчиками письма по камню, в хронологическом отрезке – с конца XIII до середины XV вв; следует заметить, как обычно, каждый «провинциальный» катиб о бладал только ему присущим индивидуальным исполнением композиции упрощенного типа отличающийся от других, т.е. локальными вариантами некаллиграфического письма (Рис. 11);

Рис. 11: Эпиграфический памятник Йусуфу, сыну Шеиха, 1443 г. (с. Большие Нырси Тюлячинского района Республики Татарстан)

б) эпитафии созданные почерком насх на арабском и булгарском языках в течение 100 лет до середины XV вв. на более отдаленных территориях от основных городов разными местными резчиками письма по камню и несоответствующие высокому каллиграфическому искусству (Рис. 12);

Рис. 12

Рис. 12: Эпиграфический памятник, 1323 г. (п. Гордино, Белезинский район Удмуртской Республики)

© 2024 Global Journals

Предположения некоторых ученых-филологов в виде утверждения: «Язык же волжско-булгарских памятников лишь в Среднем Поволжье стал функционировать в качестве особого языка надмогильных плит» [Хакимзянов 1978: 206] считаем неприемлемым, так как, булгарские слова текстов эпитафий «р-языка» являлись широко употребляемыми на данной территории в тот период, если, было бы не так, то они вообще не использовались бы в эпиграфике. То есть, в золотоордынский период булгарский «р-язык» с разными диалектическими особенностями не был мертвым или архаичным «протоболгарским» языком [Ахметзянов, 1998: 99-119], а, продолжал существовать параллельно с «кыпчакско-огузским» (старо-татарским) литературным языком. На этом родственном «р-язык»е (т.е. на городском койне), очевидно, создавались небольшие литературные и художественные произведения, составлялись документы, переписывались сотни и тысячи книг в рамках Булгарского вилаята, несмотря на скромные и не совсем до конца сложившиеся местные письменные традиции [Мухаметшин 1987: 128]. И об этом говорят и доказывают факты существования многочисленных исторических документов «каменных архивов» в виде эпитафий до второй половины XIV века.[2] Более 70% этого письменного наследия выполнялись на этом языке, а зафиксированный последний кабрташ на «протоболгарском» с указанием даты относится к 1360 году. Если бы, у булгарских катибов живших в XIII-XIV вв. отсутствовала практика переписывания книг с особенностями орфографии на местном языке, то и не было бы и булгарских эпитафий – это аксиома! *Логически рассуждая об этом, по фактическим материалам: как раз в золотоордынский период в Среднем Поволжье получает дальнейшее бурное развитие булгарская эпиграфика на разных (булгарском, старотатарском и арабском) языках.* Но, однако, следует подчеркнуть то, что в пределах Среднего Поволжья для локального булгарского языка в «изолированном» от мировых языков не было тех условий и возможностей для развития и создания крупных литературных поэтических произведений, например, коим является «Кыйссаи-Юсуф» Кул Гали. Необходимо отметить интересные заключения некоторых современных среднеазиатских, крымских и азербайджанских специалистов (Бабура Аминова, Мемедуллы Усеинова, Мешадиханум Неймат): из созданных эпитафий во времена существования Джучиева Улуса текстов написанных на общетюркском языке на современной территории Узбекистана, Крыма и Азербайджана составляет от общего количества от 1 до 5%. Данных по Юго-Западной Азии у нас нет достоверных сведений, а по Среднему Поволжью использование булгарских и «чагатайских», помимо текстов на чисто арабском языке, эта цифра составляет значительное количество – до 85 %. Но, эти сведения никоим образом не уменьшают и не отрицают роли огромного и основного кыпчакско-огузского влияния этих регионов на возникновение и становление булгаро-татарской эпиграфики. Как видим, в истории могут быть и такие несоответствия.

По нашему мнению, именно, практикующие местные переписчики книг (катибы, хаттаты), архитекторы, ювелиры, а также, многие владеющие грамотой мастера различных ремесел занимались этим видом искусства и отражали в своих работах живой разговорный и литературный булгарский язык. Как раз, написанные пером формы и линии арабских букв на бумаге, автоматически, почти без изменений, переходили на поверхность камня с помощью резца. В этом деле мягкий местный известняк являлся одним из самых приемлемых материалов для передачи красоты каллиграфического декора. Здесь, необходимо отметить еще одну интересную мысль: очевидно, из тех текстов эпитафий «р-языка»[3] что создавались в булгарских городских центрах выполнялись на «наддиалектном койне», а в населенных пунктах, отдаленных от культурных столиц, тексты эпитафий производились на разных диалектах местного тюрко-булгарского языка отражавшие живой разговорный язык. Конечно же, при приспособлении арабского алфавита к нуждам булгарского языка учитывались общетюркские (в том числе, древнеуйгурские), персидские и арабские многовековые традиции письменной культуры.

По утверждению М. Ахметзянова, анализ так называемых "булгарских" текстов показывает ход интенсивного исчезновения булгарского языка, начиная с конца XIII в. [Ахметзянов 1998: 99-119]. Из вышесказанных слов М. Ахметзянова, необходимо сделать некоторые поправки и уточнения: по нашему мнению, сохранившиеся эпитафии показывают *ход интенсивного исчезновения булгарского языка, начинается не с конца XIII в., а (ориентировочно) с середины XIV в. Т.е., Булгарский народ со своим провинциальным тюрко-булгарским языком в составе Золотой Орды, (а потом, Казанского ханства) плавно переходил в кыпчакско-огузский (старотатарский) язык; другими словами – они в течение 300 сот лет, по существу, полностью подверглись ассимиляции, т.е. произошел процесс татаризации*[4] [Усманов 2023: 352], избегая потомков современных чуваш.

[2] В историографии впервые булгаро-татарские эпиграфические памятники были классифицированы Н.Ф. Калининым на две группы (стиля) по языковому принципу: 1) кипчакско-огузский (общетюркского типа), 2) булгарский (р-язык).

[3] "*Во́лжско*-булга́рский *р-язы́к* (*в* лингвистике используется также термин среднебулгарский *язык*) был распространён *в Волжской Булгарии* и в Булгарском улусе Золотой Орды. Одним из его прямых продолжателей является чувашский *язык*. Известен по написанным арабской графикой эпитафиям XIII—XIV вв". https://ru.wikipedia.org/wiki/Булгарский_язык#:~:text=Во́лжско-булга́рский%20р-язы́к%20(в%20лингвистике%20используется,языках%20народов%20Поволжья%20и%20Предуралья

[4] Однако, и в середине XVI века некоторые отатарившиеся деятели культуры Казанского ханства (в частности, поэт Мухамедьяр) писали свои художественные произведения на тюрко-татарском языке, но в то же время, не признавали себя татарами и продолжали негативно относиться к названию этнонима «татар».

© 2024 Global Journals

Исчезновение изготовления эпиграфических памятников на булгарском языке в XV в. нельзя наивно объяснять вымиранием специалистов-оформителей каменных плит [Хакимзянов, 1978: 206].

Здесь необходимо добавить и о некоторых сомнительных версиях объяснения присутствия элементов языка «чувашского» типа на языке эпитафий (2-го стиля). « Такое влияние стало возможным, по видимому, только из-за того, что мастерами-изготовителями надгробных камней служили чуваши (суасламари), которые, будучи мусульманами, затем ассимилировались среди обычно тюркоязычных булгар» [Закиев 2003: 496]. А также, надобно подчеркнуть еще одну мысль, связанная с фактом присутствия «чувашизмов»[5] в булгаро-татарской эпиграфике: современный этнос – чуваши, конечно же, к этим мусульманским артефактам имеют определенное отношение, так как оба этих родственных этноса имеют общие тюрко-булгарские корни, этот факт никто не может отрицать. Но, однако, если бы современные чуваши являлись прямыми и единственными потомками волжских булгар, то они назывались бы булгарами и исповедовали бы ислам [Усманов 2023: 352]. В любом случае, сохранившиеся мусульманские эпиграфические памятники на арабской графике являются общим культурным достоянием тюркоязычных народов Поволжья, в том числе и чуваш.

Сторонники «протоболгар»ского языка в противовес вышесказанной мысли ставят вопрос: «Если существовал булгарский язык в период Золотой Орды, где же оставшиеся от этого народа литературные произведения, рукописные книги и другие нарративные источники? А ведь, кроме определенного набора слов, в артефактах нигде не отражается живой разговорный язык или литературный, хотя бы, в виде, нескольких предложений» – говорят они. В тот период, из-за неперспективности конкурировать с мировым общетюркским языком, действительно булгарский язык сдал свои позиции и окончательно сошел с исторической арены. В научных трудах из-за отсутствия более-менее полных лапидарных текстов на тюрко-булгарском языке, кроме эпитафийной составляющей, многие вопросы в этой области остаются не решенными.

Для дальнейшего исследования материалов в этом направлении, к лексическому фонду «р» языка можно было бы добавить тюрко-булгарские слова – собственные (языческие) имена и прозвища погребенных, зафиксированных на эпиграфических памятниках, например: بوپس *Бүдәс*, بلدس *Бәлдәс*, جمارا *Җәмәрәү*, مَجَک *Мәҗәкә*, اڕجَو *Эрҗәү*, يَلَو *Әйү*, يَحَم *Йәхәм*, رقياج *Рәкыяҗ*, اعمَش *Әгъмәш*, پلُح *Исүх*, يلنوک *Үҗих*, اترَج *Әтрәч*, اوْرَان *Әүрән*, وُڕُم *Вөрүм*, موحشو بصَان *Мухшу Басан*, المُشاک *Әлмүшәк*, حوم باڕجنک *Хум Бәрҗәнәк*, القيسَ *Әлкыйс*, جُولَ *Җүлү*, کمک *Кәмкү*, يُوَل *Йүвәлү*, بلحس *Бәлхәс*, مُوَحْپس *Мухшу*, رَمَک *Рәмәк*, يَلبَه *Йәлбәh*, پسوياڕلِ اَصبَب *Аснаба Суярли*, تطای *Тотай*, и т.д. Вполне вероятно, что многие из них, как и тюрко-татарские имена, имеют определенные смысловые значения как, например: *Тәңребирде, Тимербәк, Үзбәк, Сатылмыш, Биктимер, Үлмәс, Алтынбай, Көмешбикә, Айбикә, и т.д.* Таким образом, есть возможность дальнейшего воссоздания хотя бы некоторых слов тюрко-булгарского языка.

Хаттаты-резчики «р-языка» были достаточно знакомы и с аббасидскими орфографическими традициями. Но, однако, остаются вопросы тюркологам для конкретного объяснения, связанные с использованием некоторых буквенных символов с применением точек под буквами локального характера (например: ڕ ڊ صٖ طٖ پس عٖ ي و (или одна точка над буквой و)).

Следует подчеркнуть: а, в дошедших до наших времен в текстах - эпитафиях на старо-татарском языке такие особенности, почему то, полностью отсутствуют или встречаются реже. Видимо, это было связано с особенностями орфографии персидского, древнетюркского (в частности, булгарского) языков. На этот вопрос до сих пор нет ясного ответа от тюркологов. Стоит заметить, применение точек под некоторыми арабскими буквами, мы встречаем на некоторых образцах эпитафий (кайраков) эпохи караханидов.

При изучении эпиграфических памятников Поволжья времен Золотой Орды, как было сказано выше, исследователями-предшественниками производилась классификация эпитафий и по внешним признакам: учитывая стиль, далее язык, оформление, орнаментика и другие особенности памятника [Мухаметшин, 2008: 132].

Пример разбора некоторых (типологически и по языковому принципу близких) «высокого стиля» эпиграфических памятников написанных каллиграфическим почерком сульс на арабском и на условном старотатарском («чагатайском») языках на образцах эпитафий г. Болгара – принадлежащих [Сафар[7]]-Малике и Хусейн-беку (находящийся на кладбище близ железнодорожной станции Чишмы в Башкортостане). Очевидно, оба этих памятника изготовлены одним и тем же мастером-резчиком из г. Болгара. Вполне вероятно, что обе стелы имели одинаковые формы. По внешнему и стилистическому оформлению обе надписи однотипны, вводные и благожелательные тексты однообразны. В обеих памятниках в навершии располагалось изображение выямчатой килевидной арки с плечиками (эта часть памятника называется тимпаном или по С. Вахиди – именуется «*михрабом*»), где расположены одинаковые коранические формулы [Гариф 2012: 308].

Вероятно, текст изначально был написан катибом с помощью тростникового пера скорописным

[5] *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий Волжских булгар. М.1978 - С.16.

[6] *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 15.

[7] Предполагаемый вариант прочтения: Шамар-Маликэ.

© 2024 Global Journals

Текст написан уверенной рукой резчика и хаттата (каллиграфа) в одном лице, который обладал хорошими знаниями, навыками и чувством художественного вкуса. Как правило, такие мастера имели опыт работы в различных сферах творчества: в ювелирном деле, в книжном искусстве, в каллиграфии, в деревообработке и т.п. Строки отделены между собой пустой полосой, что создает определенный порядок.

Современному зрителю (включая специалистов в области текстологии) трудно быстро прочитать или расшифровать этот каллиграфический текст XIV века, так как, витиеватые слова и буквы переплетенные друг с другом воспринимаются нами как криптограмма. Не обладающим достаточным опытом выполнения транслитерации современным специалистам-кодикологам такого рода эпитафии расцениваются как трудно читаемыми. Так как, многие буквы написаны с «нарушением» правил арабской орфографии с индивидуальными приемами письма резчиков-катибов. Поэтому, некоторые слова прочитаны предшественниками или современниками с ошибками. Например: الاوركانجى *ал-Үргәнчи* (Рис. 14)

Рис. 14: Фрагмент эпиграфической надписи

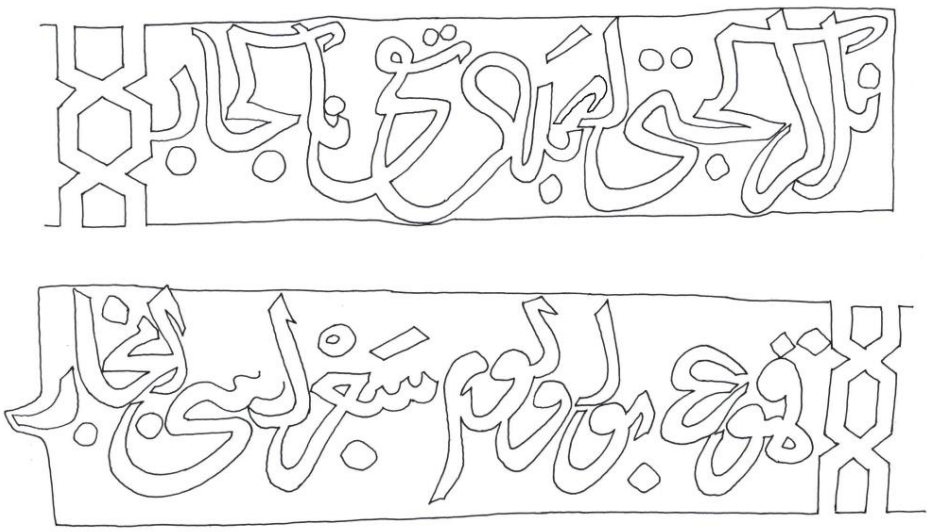
преподносился как *ал-Африкенджи*[8]. Если проделать палеографический анализ: в данном случае первая буква *алиф* изображается («неправильно») в виде отростка соединенная в навершии с буквой *лям*. Далее, *вау* без отрыва пера (каляма), как в скорописи, соединяется с *ра*, что противоречит элементарным правилам орфографии. Естественно, в прошлые века, прекрасно осведомленные в арабской графике ученые мужи, без никаких проблем, могли правильно прочитать эти слова. При транслитерации имени погребенной тоже могут быть разночтения: الشَريفة سَفار ملک *әш-шәрифәт Сәфар-Мәликә* или по Д. Мухаметшину: الشَريفة شَمر ملک *әш-шәрифәт Шамар-Малика.*

То есть, по ходу чтения ошибки могут быть, от этого никто не застрахован. Взаимные исправления – это нормальный процесс работы. Заметьте, устранять недочеты или неточности первопроходцев или предшественников на много проще.

На лицевых частях обеих эпитафий тексты написаны на арабском, а на боковых – часто используемые двустишия на «тюрко-чагатайском» языке (рис. 2):

[8]*Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгара. Казань. 1987 - С.119.

© 2024 Global Journals



Эпиграфический памятник Шамар Малике. Надписи на левой стороне .

Рис. 13 (а)

Рис. 13: (а) Эпиграфический памятник (надписи на боковых сторонах)

نلار كچتى ابَلاى تقى نا كچار
قموع بو اولوم سَغر ايچار

Транслитерация:

[Ниләр кичте әбәләй тәкый нә кичәр, камуг үлем сәгърасы ичәр]

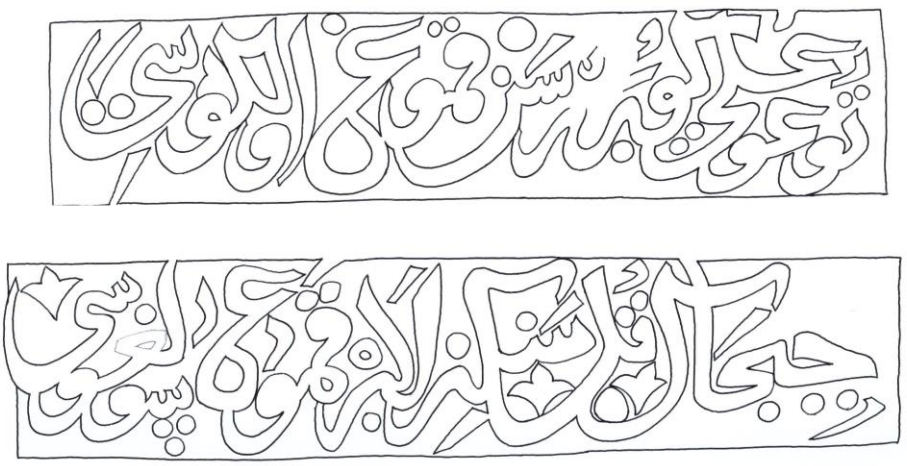


Рис. 13 (б)

Рис. 13 (б): Эпиграфический памятник (надписи на боковых сторонах)

[ثُعوعلي كورْرْ سَنْ قموعْ اولكوسي]
[چيجَک قُلسَنكِز لَارْ قَمُو پسُولغوسى]

Транслитерация:

[Тугуглы күрерсән камуг өлгүсе, чичәк кылсаңызлар камуг сулгусы]

© 2024 Global Journals

Выше приведенные слова пока остаются не прочитанным до конца. Видимо, эти сихотворные строки являются одним из свободных переводов какого-то, часто встечающегося в кабрташах, произведения неизвестного нам классика арабской литературы, который, со временем превратился в образцовый шаблонный вид. Кроме этого, как правило, могут быть и варианты этого двустишия перевода с персидского языка или мистический текст принадлежащий перу знаменитого суфийского поэта Ахмеда Ясави [Гарустович 2020: 400]. Таких нерешенных значимых задач в булгаро-татарской эпиграфике предостаточно, например, один из них – неопределенность точного имени погребенного на территории Казанского городища в Казани [Халит 2009: 392] (Архиерейской дачи) или другое слово خُوم («*хум*») которому до сих пор не имеется конкретного объяснения языковедами [Усманов 2023: 500].

Булгаро-татарские эпиграфические памятники, изготавливались из местного известняка. Одним из главных факторов появления традиции установления надмогильных стел является наличие легко обрабатываемого камня на территории Среднего Поволжья (как правило, они создавались из местного известняка или песчаника).

Итак, благодаря исследованиям предшественников были установлены временные рамки распространения булгарских эпитафий в Среднем Поволжье; с середины XIII по XV вв. с очевидным преобладанием кабрташей в 1320-1340 гг.

Изучение мусульманских татарских эпиграфических памятников в России имеет трехсотлетнюю историю. Эта важная работа связана с именами многих (более 40) представителей культуры и науки: (религиозных деятелей, историков, лингвистов, востоковедов, искусствоведов, краеведов) начиная с ахуна Кадыр-Мухаммеда Сунчалеева до молодого эпиграфиста А.М. Гайнетдинова [Малов, 1948: 41–48]. Среди них необходимо особо отметить огромную работу выдающихся ученых И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, Б. Н. Засыпкина, У. А. Боданинского, О.-Н. А. Акчокраклы, П.И. Голландского, Н. П. Эрста, Н. Ф. Калинина, Г. В. Юсупова, Д. Мухаметшина, Ф. Хакимзянова и, конечно же, Х. Фаизханова, который подобрал ключ для расшифровки булгарских эпитафий [Усманов 2023: 352].

Разумеется, в результате многолетних исследований по этой теме, о булгаро-татарских эпитафиях написано очень много книг и сотни статей. И пользуясь случаем, хочется сказать слова огромной благодарности всем нашим эпиграфистам-предшественникам. К сожалению, из тех особо ценных собранных полевых материалов – основная часть, находятся до сих пор в архивах в неопубликованном виде и ждут своих исследователей (правда, следует отметить, не все экспедиционные материалы выполнены на должном уровне, т.е. не доведены до желаемого логического конца и, поэтому, многие из них не дают полную информацию о лапидарном наследии (об этом подробнее будет сказано ниже). Время летит неумолимо быстро и эту работу необходимо делать оперативно, качественно – соответствующим по всем специфическим критериям научной практики. В этом деле прикладная часть должна стоять во главе угла. Без точного закрепления носителя информации (качественной фотографии) не может быть и никакого дальнейшего аналитического анализа эпиграфических памятников.

Здесь хочется сделать акцент об уровне качества выполняемых работ. Это напрямую касается нас, а также, и предшественников: в этом деле необходим «взаимоконтроль» и критический подход для своевременного исправления своих же недочетов и недостатков, для совершенствования общего дела.

До сегодняшнего времени, взятых на учет кабрташей (включая фрагментарные эпитафийные обломки) насчитывается более 4 0 0а , по словам Ф. Хакимзянова – около 600). Следует заметить, в этот список не входят золотоордынские эпиграфические памятники Хорезма, Нижнего Поволжья, Крыма и других бывших «татарских территорий».

По логике, на территории Улуса Джучи самое большое количество кабрташей, несомненно, было создано в Ургенче, или в столичном городе Сарай-Берке, чаще всего из привозных материалов: мрамора, известняка, песчаника и керамики. К сожалению, многое из того наследия не дошло до наших времен, т.к. оно было использовано как строительный материал [Закиев 2003: 496]. По причине исчезновения большей части этих объектов, некоторыми специалистами (например, археологами) отрицался сам факт существования тюрко-татарской эпиграфики за пределами Волжской Булгарии.

Вопрос: Откуда же и когда начинается традиция установления надмогильных эпитафийных надписей? Как известно, обычаи установления памятных знаков на могилах предков существует у всех древних народов с языческих времен, в том числе, и у тюрков с руническими надписями стелы (*тораташ*) или каменные изваяния (*балбал, сынташ*), олицетворяющие культ предков.

Например, всемирно известный надмогильный мемориальный комплекс VIII в. кагана Бильге и его брата Кюль-Тегина выявленный русским ученым Н. М. Ядринцевым в 1889 г. Надписи дешифрованы в 1893 г. датским лингвистом В. Томсеном, впервые прочитаны в 1894 г. В. В. Радловым. (https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/srednie-veka/kultura/kyul-tegina-stela).

До расширения влияния ислама в степных просторах Дешт-и-Кипчака получило распространение установка «каменных баб» (*сынташ*) на могилах предков, а после включения в ареал мусульманской цивилизации эти отголоски изображений скульптурных фигур приобретают скрытые антропоморфные очертания, в виде условного изображения (например, наподобие *башказык, ташбилге или башбата* [Красильников К. И., Апареева Е. К., 2021: 368].

© 2024 Global Journals

С принятием мусульманской религии у большинства тюркских народов начинают воздвигать надмогильные памятники уже с арабографическими текстами со строгим соблюдением исламских правил.[9] Очевидно, изначально эта традиция пришла в Поволжье из Аравийского полуострова через Аббасидский халифат, в первую очередь, через территорию Караханидского и Саманидского государств, далее через Ургенч. Кроме вышеуказанного, не исключаются и другие исходные направления маршрутов прямого культурного влияния на периферийные регионы, в частности, на Среднее Поволжье. Это воздействие очень сильно проявляется с приходом войск Батухана [Ахметзянов 1998: 99-119].

Видимо, Среднеазиатские (в частности, хорезмийские) мастера сыграли большую роль в возведении многих памятников (в том числе, эпитафийных) времен хана Узбека в городах Поволжья.

В рассматриваемый нами период истории, после 1240 г. после ожесточенной борьбы Волжская Булгария была подчинена Улусу Джучи, первой столицей которого (в XIII в.), политическим и торгово-ремесленным центром был город Булгар. Булгарские правители расширяли свое влияние главным образом в районах рек Вятка и Кама. Во 2-й половине XIII-XIV вв. основное население переселилось из Закамья в Предкамье. Внутри Волжской Булгарии выделились Казанское, Булгарское, Жукотинское и другие княжества. Как известно из истории, на территории Золотой Орды, включая Булгарский вилаят, существовало более сотни городов. Это государство представляло из себя симбиоз оседлых (городских) и кочевых культур, где мирно уживались различные религии, народы и племена. Наличие сохранившихся эпиграфических памятников подтверждают факт, о том, что этот регион, по существу, был самым северным высокоразвитым государственным образованием во всей мусульманской цивилизации.

В связи с развитием строительного дела: (кирпичного – среднеазиатского, каменного – крымско-закавказского и деревянного – местного) получает широкое распространение и изготовление и установка массивных надмогильных памятников, в первую очередь, среди высшего сословия и зажиточного населения [Мухаметшин 1987: 128]. Следует сказать, общее оформление булгаро-татарских эпиграфических памятников создавались в рамках общепринятых мусульманских установок связанных непосредственно с книжным искусством, с архитектурой, с ювелирным делом и т.д. То есть, булгаро-татарские эпиграфические памятники являются не только архивными документами, но и произведениями творчества, где синтезируются различные виды изобразительных искусств. По существу, внешний облик надмогильных стел напоминали рельефную декорировку фрагментов архитектуры Крыма, Закавказья или классические образцы убранства Среднеазиатских культовых сооружений, но исполненных в однотонном монохромном варианте из серого известняка.

Содержание текстов эпитафий говорят о том, что в изготовлении кабрташей участвовали не только местные мастера резчики по камню из Булгарского вилаята, но и приезжие каллиграфы-катибы из Средней Азии (Ургенча, Бухары, Самарканда, …), Нижнего Поволжья[10] (Сарай Бэркэ), Крыма (Солхата, …), Закавказья (Ширвана, …) и т.д. Следует особо отметить, и о влиянии ширванских классических традиций, что требует отдельного сравнительного анализа и изучения. Существует ряд эпиграфических документов, свидетельствующих о той важнейшей роли, какую играло мусульманское Закавказье в распространении ислама на территории Золотой Орды. «Золотоордынский хан Узбек, побывавший в ханака Пир Хусайна, возвратил имущество ханака, которое было разграблено во время нашествия Золотой Орды на Ширван» [Неймат 1991: 248]. Как известно, в город Болгаре, сохранились эпитафии мусульманских богословов Садр ад-Дина аш-Ширвани, Махмуда ибн Исмаила аш-Шемахии, шейх Имад ад-Дина аш-Ширвани» [Юсупов 1960: 92–93].

«Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, - пишет известный эпиграфист Г. В. Юсупов, – были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки»» [Мухаметшин 1987: 128].

В отличие от представителей власти того периода, трудовое население было в состоянии ставить лишь деревянный кол (*башказык, башбата*) или простой дикий камень с родовой тамгой «*ташбилге*».

В то время в Золотоордынском государстве, в частности, в Булгарском вилаяте продолжало существовать два самостоятельных тюркских языка:международный смешанный кыпчакско-огузский (старо-татарский) и булгарский. В связи с подъемом экономики получает дальнейшее развитие письменно-деловые и литературные функции этих языков. Естественно, в пределах этого государства для распространения и развития наддиалектной формы языка общетюркского (кыпчакского), по понятным причинам, было больше возможностей, а булгарский продолжал существовать, параллельно, лишь в пределах Среднего Поволжья, т.е. оба тюркских языка существовали одновременно. В течение более 100 лет пребывания Булгарской территории в составе Джучиева Улуса и вызванные с ним этно-лингвистические изменения происходят в пользу регионального койне кыпчакского языка [Нуриева 2016: + 4 с. цв. вкл.].

[9] Некоторые балбалообразные надмогильные памятники (*сын ташы, кабер ташы, мазар ташы, гур ташы*) времен тенгрианства, уже в дальнейшем, приобретают скрытый антропоморфный внешний вид.

[10] Очевидно, эпиграфические памятники Нижнего Поволжья более всего напоминали Ургенчские или Хорезмские, наподобие булгарских (по определению Н. Ф. Калинина – эпитафии 1-го стиля). Эту версию могут доказать лишь чудом сохранившиеся археологические материалы в виде мелких фрагментарных остатков.

© 2024 Global Journals

В историографии (как отмечено было выше) впервые булгаро-татарские эпиграфические памятники были классифицированы Н. Ф. Калининым на две группы (стиля) по языковому принципу: 1) кипчакско-огузский (общетюркского типа), 2) булгарский (р-язык). В период существования Улуса Джучи на территории Среднего Поволжья (т.е. в Волжской Булгарии) функционировали несколько основных языков, назовем некоторые из них: арабский (язык науки), персидский (язык литературы), кыпчакско-огузский и местный булгарский язык с различными диалектическими особенностями. По сохранившимся из Средне-волжского эпиграфического наследия 70% памятников составляют язык булгар на городском койне, 15% старотатарский (поволжско-тюркский) и 15% арабский. В данное время, четких представлений о булгарском языке у языковедов не имеется, т.к. кроме, текстов эпиграфических памятников, других письменных артефактов не выявлены. И поэтому, иногда, появляются определенные сомнения о булгарском происхождении некоторых представителей литературы, в частности поэта Кул Гали. Вполне вероятно, он родился, учился и создавал свои художественные произведения на территории Средней Азии (например, в Хорезме), в окружении общетюркских мусульманских культурных традиций. Но, однако, не исключается вариант связанный со Средним Поволжьем и с ее письменной культурой. Так как, очевидно, еще до «монгольского нашествия» в Булгарском государстве наряду с арабским, персидским и булгарским широко употреблялся старо-татарский язык. Одним из доказательств этому являются сообщения Рычкова, о существовании памятника 1173 года из Биляра[10] (т.е., датированного еще с периодом «до татаро-монгольского ига»), а также, по сведениям Г. Ахмарова – факт наличия «в с. Ямбухтино Тетюшского района на пороге сельской церкви вырезанная «красивая надпись сульсом» на поверхности камня на татарском языке: [12]

٦٤٢ الدندا ٨٤ ياشندا عدد تاريخ التى يوز قرق ايكى ده

Есть очень большая вероятность в достоверности приведенных вышеуказанных слов, т.к. разборчивые надписи на старо-татарском языке не вызывает никаких затруднений или каких-либо сомнений. Если бы, они были выполнены на булгарском языке, то они не смогли бы разобраться в этих текстах. Кроме этого, до Х. Фаизханова духовные деятели из татар осведомленные о тюркских письменных традициях не могли читать смысл слов написанных на непонятном им (булгарском) языке. Из вышесказанных слов, становится очевидным то что, задолго до образования Золотой Орды в Среднем Поволжье существовала местная письменная традиция не только на старо-татарском, но вероятно и на булгарском языке. Видимо, до 1236 года в этом государстве центром по изготовлению надмогильных камней являлся столичный город Биляр, а также и другие города менее значимые – Болгар, Джукетау и т.п., включая Казань до Джучиевского периода и после. Так как, в последующие века Казань стремительно застраивался превращаясь в крупный промышленный центр, при этом теряя древние строения и памятники, в виде использования надмогильных плит как строительный материал и, поэтому, мало что осталось от них.

Вопрос: Конкретно где и кем создавались высокохудожественные эпиграфические памятники?

Имён мастеров резьбы по камню золотоордынского времени не сохранилось, за исключением булгарского ювелира Шахидуллы бин Муса и солхатского строителя-архитектора Махмуда бин Гусман, которые, очевидно, также занимались изготовлением надмогильных стел.[13]. В то время работала целая династия нам неизвестных каллиграфов. Среди резчиков были как приезжие хаттаты, например, (в первую очередь) из Средней Азии, Крыма, Ширвана и т.д., так и местные мастера, получившие образование в различных исламских центрах.

По нашему мнению, в ту эпоху в Золотоордынских городах были созданы свои самостоятельные школы камнерезного искусства со своими сложившимися традициями изготовления и декорировки эпиграфических стел [14], с определенными правилами и установками, без особых региональных отличий (если, конечно, не учитывать языковые различия или индивидуальные особенности авторов резчиков), которые всячески содействовали созданию исламской культуры единого облика. Кроме этого, в некоторых местах жили и работали провинциальные мастера (видимо, из числа катибов или грамотных ювелиров), которые выполняли менее скромные заказы из тех материалов, что было под рукой (например, кирменчукские, азнакаевские и т.д.).

В ходе анализа научных публикаций по кабрташам нами для себя сделаны некоторые выводы для дальнейших исследований. В наше время, необходимо вести работу по эпиграфике целенаправленно, системно, методично, комплексно, опираясь на образцовые труды наших ученых (например, некоторые статьи Х. Фейезханова [Фейезханов 1863: 396-404], доводя работу до

[11] Очевидно, этот памятник был написан на арабском и «старотатарском» языках, т.к. они точно прочитали дату, если бы текст был написан на булгарском языке, они не смогли бы определить время создания эпитафия, так как, на р-языке дата всегда указывалась не цифрами, а, непонятными словами для представителей литературного тюркского языка кыпчакско-огузского типа.

[12] *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М. – Л., 1960. – С.46.

[13] Хаттаты, по какой то причине, не посчитали нужным оставлять свои автографы, хотя, нам известны десятки имен Среднеазиатских или Закавказских мастеров-резчиков каллиграфов-художников.

[14] Кабрташи создавались на основе синтеза различных искусств. Но, однако, (по мнению автора) в первую очередь, они являются произведениями архитектуры малых форм, художественного творчества - резьбы по камню, каллиграфии, декоративного и ювелирного мастерства. И поэтому, изучением эпиграфических памятников, прежде всего, должны заниматься художники-искусствоведы.

© 2024 Global Journals

логического завершения, с тем, чтобы вслед за нами идущим эпиграфистам оставалось как можно меньше работы по качественной фотофиксации и полноценному документированию.

Вся работа по сбору и научной систематизации материалов по эпиграфике требует оперативности. Нам в этом деле медлить не коим образом нельзя[15]. Ведь, эти произведения искусства и каменные архивные документы, с каждым днем разрушаясь, исчезают безвозвратно. И по этой причине прикладная часть остается в приоритете.

Как некоторые ошибочно думают, что древние или старинные татарские кабрташи, якобы, уже все зафиксированы. Но, однако, это не так. До сих пор обнаруживаются «новые» неизвестные науке эпитафии, это во-первых. Во-вторых многие фотодокументы и эстампажи не имеют соответствующего качества.

Принимая во внимание особенности проблем графологического анализа кабрташей, следует сказать и то, что для полного и правильного прочтения «запутанных» текстов и плохо сохранившихся надписей, не поддающихся осмысленному чтению, необходимо задействовать не только людей с художественным образованием, но и специалистов в области текстологии, филологии, археографии, ведь такая работа требует коллективных усилий. По сути, без правильного чтения любого эпиграфического памятника нет возможности выполнения ясной и четкой прорисовки. Вопрос: А для чего нужна здесь прорисовка? Ответ: Всё здесь взаимосвязано, именно при выполнении прорисовки производится палеографический анализ, в результате чего, достигается точное или более приемлемое чтение (расшифровка) текста и таким образом осуществляется реконструкция плохо сохранившихся букв или изображений.

Хочется сказать в напутствие молодым, перед татарскими эпиграфистами стоят следующие первоочередные цели: в максимальном количестве успеть зафиксировать на должном научном уровне наиболее значимые сохранившиеся арабографические надмогильные памятники, пока они, не исчезли совсем. Время летит неумолимо, быстро – надо успеть привести это все в определенный порядок (эта вполне осуществимая задача).

Словом, автор этой статьи не в состоянии дать полную лингвистическую характеристику булгаро-татарским эпиграфическим памятникам ввиду малой компетентности в этой области. Цель всей нашей научной работы – это учет имеющихся памятников в виде фотодокументов с прорисовками, полная их публикация, палеографический анализ, чтение и перевод.

Необходимо отметить, в процессе изучения древних надмогильных камней мы допускаем повторяющиеся из поколения в поколение одни и те же ошибки: начинаем конкретную работу, и не завершаем исследование до логического конца. Надобно нам вести дело таким образом, чтобы после нас не оставалось кому-то доделывать – это, в идеале, но надо стремиться к этому. Наши главные недостатки в этом деле, относящейся к прикладной науке (перечислим их):

1) как известно, главным носителем информации об объекте является хорошо выполненная качественная фотосъемка со всех сторон, где имеется полноценная графическая информация о кабрташе с читабельным текстом; в эпиграфике игнорирование качественных фотографий, эстампов, оттисков недопустимо, так как, это все противоречит обязательным требованиям и элементарным методам научной работы; т.е. изобразительная составляющая является в этом деле превалирующей, а все остальное – дополняющей; (как известно – 80 % процентов информации человек получает через зрительные органы;
2) предлагать читателям текст чтения (транслитерацию, транскрипцию) без корпуса, т.е. без фотографий эпиграфических памятников, нас – исследователей совершенно не устраивает, так как, составление каталогов и реестров, без надлежащего качества графических изображений надмогильных стел, (мы сами не замечая этого) навязываем свои варианты прочтения эпитафий как непререкаемая истина и не оставляем возможность читателям проверять правильность содержаний предлагаемых лапидарных текстов; например, некоторые сомнительные варианты имен на эпитафиях, таких как: *Хаккау хафиз, Абыз Риким, Бу җуныл, Аккуҗад, Шусак, Башрана, ...* нас не удовлетворяют; и тому подобные случаи транскрипции не вызывают довер ия, так как, эти слова (в данном случае – имена) воспринимаются нами как «чужие», они должны звучать или по арабски, или на фарси, или по тюркски! Могут быть упрощенно-сокращенные варианты – *Җәләй (Җәләләддин), Мәмәткол (Мөхәммәдкол)* и т.д. Да, иногда могут встречаться искаженные (вместо, *Зөбәйдә – Сөбәйтә* سُبَيتَ) но, это в редких случаях.

Что же является главным при чтении эпитафий (при выполнении транскрипции с элементами транслитерации)?

Ответ: Правильное выполнение транскрипции с элементами транцлитерации текста: написание имен, тахаллусов, топонимов, социального статуса и т.д. Неточное и неправильное прочтение основной части эпитафия является главным нашим недостатком.

Кроме этого, в процессе коллективной работы часто приходится корректировать, дешифровывать запутанные и поврежденные слова или иногда есть необходимость выполнения частичной или полной графической реконструкции;

1. Знакомство с архивными материалами по эпиграфике, хранящихся в фондах С. Е. Малова,

[15] Эти рекомендации и замечания мы воспринимаем не иначе как нормальный рабочий процесс.

© 2024 Global Journals

Н. Ф. Калинина, Г. В. Юсупова, А. Б. Булатова и др.;

2. Есть потребность выведения в научный оборот весь «арсенал» богатога архивного изобразительного материала (фотографии, эстампажи, оттиски) наших предшественников; по неизвестным нам причинам, многие сохранившиеся в архивах эстампажи не представляют завершенный туширанный вид. Следует сказать, при снятии копий многие эстампажи выполненные предшествующими, по понятным причинам, в виду плохой сохранности древних эпиграфических памятников, не доведены до конкретики, т.е. нет ясного палеографического анализа.

Из вышесказанного мы для себя делаем вывод: в деле изучения эпиграфических памятников упомянутые требования нам следует впредь знать, не забывать и стараться по мере возможности не допускать повторения предыдущих недостатков.

3. Систематизация и анализ эпиграфического наследия путем составления каталогов по хронологическому, географическому, типологическому, палеографическому, языковому принципам [Мухаметшин 2008: 132].
4. Издание книг с качественной печатью и с обязательным наличием иллюстративного материала (фотографии, прорисовки, эстампажи, оттиски и т.д.). Здесь, следует особо отметить как образцовый сборник: монографию [МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах : в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков]. Свод иллюстративных материалов снабжены качественными фотоснимками, схемами, чертежами, рисунками участников научной экспедиции и переводами текстов О.Н.-А. Акчокраклы.
5. Составление каталогов в электронном варианте (размещение материалов, например, в различных сайтах), или 3D моделирование, которое позволяет видеть детали до долей миллиметра и тем самым дает возможность частичной или полной реконструкции эпитафия. Есть уверенность в том, что в будущем будут созданы копии особо значимых каллиграфических композиций (в частности, эпиграфические памятники I стиля – где надписи, исполнены рельефным шрифтом сульс). Следует добавить вышесказанному: Наука движется вперед семимильными шагами, появляются новые технологии и возможности для фиксации эпитафийных памятников, но, однако, не нужно списывать со счетов и старые традиционные способы документирования в виде эстампов, оттисков и прорисовок.

Нам предки оставили богатое культурное наследие. И, мы уверены в том, что в будущем книги по камнерезному искусства и каллиграфии, посвященные работам булгаро-татарских мастеров, будут востребованы среди специалистов и широкого круга читателей.

Литература

1. *Алиева,* 2009 — *Алиева К.М.* Художественное оформление средневековой азербайджанской рукописной книги и ее влияние на другие виды искусства // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17 – 18 апреля 2008 г.). – Казань, 2009. С. 392.
2. *Ахметзянов,* 1998 – *Ахметзянов М.И.* О судьбе булгарского языка (по материалам эпиграфики / Источник: журнал Татарская археология. 1998, № 1 (2). С. 99-119. - http://tataroved.ru).
3. *Ашмарин,* 2017 – *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваши: очерк. Чебоксары: Чуваш. Кн. изд-во, 2017. С. 143.
4. *Бартольд*, 2020 – *Бартольд В.В.* Тюрки. Двенадцать лекций по истории тюркских народов Средней Азии. М.: Ломоносовъ, 2020. С. 7.
5. *Валеев,* 1984 — *Валеев Ф.Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Таткнигоиздат, 1984. С. 71.
6. *Валеев,* 2020 — *Валеев Ф.Х.* Татарское народное декоративное искусство (XVIII – начало XX в.): истоки и традиции: монография / Ф.Х. Валеев [научн. Ред. и авт. Предисл. Г.Ф. Валеева-Сулейманова]. Казань : Татар. Кн. изд-во, 2020, – 219 с. : ил. С.116.
7. *Гариф,* 2012 – *Гариф Н.Г.* Болгар татар ташъязмалары / Булгаро-татарские надгробные камни – Казан: «Иман» нәшрияты, 2012. 308 б.
8. *Гарустович,* 2020 – *Гарустович Г. Н., Нечвалода А. И.* Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология) / Геннадий Гарустович, Алексей Нечвалода. Уфа : Китап, 2020. С. 400: ил.
9. Духовное наследие: поиски и открытия / под ред. И.Г. Гумерова. Казань: ИЯЛИ, 2017. Вып. 4. С. 280.
10. *Закиев,* 2003 – *Закиев М.З.* Происхождение тюрков и татар. М.: ИНСАН, 2003 С. 496.
11. *Казаков,* 1987 – *Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.* Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. С. 240.
12. *Красильников, Апареева,* 2021 – *Красильников К.И., Апареева Е.К.* Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов Степного Подонцовья/Институт археологии Академии наук Республики Татарстан; (отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин). Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 368: илл.
13. *Малов,* 1947 – *Малов С.Е.* Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока. М.- Л., 1947. Вып. I. С. 38-45.

© 2024 Global Journals

14. *Малов,* 1948 – *Малов С. Е.* Булгарская и татарская эпиграфика // ЭВ. М.-Л., 1948. Вып. II. С. 41–48.
15. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 1. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. ООО «Астер Плюс», 2016, – 580 с.
16. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 2. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. ООО «Издат-Принт», 2016, – 572 с.
17. МИРАС-НАСЛЕДИЕ. Том 3. Татарстан-Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923-1929 годах: в 3 т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. ООО «Астер Плюс», 2017, – 720 с.
18. *Мухаметшин,* 2008 – *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 6. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. С. 132. илл.).
19. *Мухаметшин, Хакимзянов,* 1987 – *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгара. Казань. Казань, 1987. С. 128.
20. *Неймат,* 1991 – *Неймат М.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. 1: Арабо-персо-тюркоязычные надписи Баку и Апшерона 11-начала 20 века. Баку: Элм, 1991. С. 248.
21. *Нуриева,* 2016 – *Нуриева Ф.Ш.* Язык письменных памятников золотоордынского периода // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 464 + 4 с. цв. вкл.
22. *Рахим,* 1930 – *Рахим А.* Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930. Т. I. С. 145-172.
23. Татарская эпиграфическая традиция. Т. 1: Булгарские эпиграфические памятники XIII-XIV вв. Кн. 1. / Авт. сост.: И.Г. Гумеров, А.М. Ахунов, В.М. Усманов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2021. С. 160.
24. Татар ташъязма ядкәрләре. Чистай шәһәренең Беренче Татар зираты эпиграфик материаллары / Д.Г. Мөхәммәтшин, Р.Г. Насыйров; җав. мөх. А.Г. Ситдыйков, А.В. Сиренов. Казан: “Фән” нәшрияте, 2023. 282 б., ил.; Электрон каталог: 468 б. (“Татар ташъязма ядкәрләре” сериясе; 1 чыг.).
25. *Трепавлов*, 2 024 – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. 4-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2024, – 1048 с.
26. *Усманов,* 2023 – *Усманов В.М.* Эпиграфика Золотой Орды / Олуг Олус ташъязмалары 1280-1445 еллар арасы. Унҗиденче китап. Казан, 2023. б. 500: рәс. белән).
27. *Усманов,* 2023 – *Усманов М.А.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова: повесть о жизни и деятельности [монография] / Мо ск. ислам. ин-т,; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова; науч. ред., авт. вступ. ст., коммент. Д.М. Усманова. Серия: «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление». М.: ИД «Медина», 2023. С. 352: ил.
28. *Фейезханов,* 1863 – *Фейезханов Х.* Три надгробных булгарских надписи. Известие Археологического общества. СПб., 1863. Т. IV. С. 396-404.
29. *Хакимзянов,* 1978 – *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий Волжских Булгар. М.: Наука, 1978. С. 206.
30. *Халит,* 2009 – *Халит Н.* Татарские дворцовые комплексы XV – XVI вв.: Некоторые закономерности архитектуры // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17 –18 апреля 2008 г.). Казань, 2009. С. 392).
31. *Шихсаидов,* 1984 – *Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. Москва, изд. «Наука», 1984. С. 464.
32. Эпитафии мусульманских ученых Самарканда (X-XIV вв.) = Epitaphs of Muslim scholars in Samarkand: 10th-14th centuries / edited by Bakhtiyar Babadjanov… [et al]; project director Halit Eren.- Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2019.
33. *Юсупов,* 1960 – *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М. – Л., 1960, С.92–93.

References Références Referencias

1. Alieva K. M. Aliyeva The artistic design of the medieval Azerbaijani handwritten book and its influence on other types of art // The origins and evolution of the artistic culture of the Turkic peoples: Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of the educator, artist Sh. A. Tagirov (Kazan, April 17-18, 2008). – Kazan, 2009. p. 392. (In Russ.)
2. Akhmetzyanov M. I. About the fate of the Bulgarian language (based on the materials of epigraphy / Source: Tatar Archeology magazine. 1998, No. 1 (2). pp. 99-119. - http://tataroved.ru). (In Russ.)
3. Ashmarin N. I. Bulgarians and Chuvash: an essay. Cheboksary: Chuvash. Book of Publishing, 2017. p. 143. (In Russ.)
4. Bartold V. V. Turks. Twelve lectures on the history of the Turkic peoples of Central Asia. Moscow: Lomonosov, 2020. p. 7. (In Russ.)
5. Valeev F. H. Folk decorative art of Tatarstan. Kazan: Tatknigoizdat, 1984. p. 71. (In Russ.)

© 2024 Global Journals

6. Valeev F. H. Tatar folk decorative art (XVIII – early XX century): origins and traditions: monograph / F.H. Valeev [scientific Ed. and author. Preface by G.F. Valeev-Suleymanov]. Kazan: Tatar Publishing House, 2020, – 219 p.: ill. p. 116. (In Russ.)
7. Garif n. g.Bulgar Tatar tombstones / Bulgar-Tatar tombstones. – Kazan: Iman Publishing House, 2012. 308 б. (In Russ.)
8. Garustovich, 2020-Garustovich G. N., Nechvaloda A. I. Medieval stone mausoleums of Bashkortostan (history, archeology, Bioanthropology) / Gennady Garustovich, Alexey Nechvaloda. Ufa : Kitap, 2020. p. 400: ill. (In Russ.)
9. Spiritual heritage: searches and discoveries / edited by I.G. Gumerov. Kazan: IYALI, 2017. Issue 4. p. 280. (In Russ.)
10. Zakiev M. Z. The origin of the Turks and Tatars. M.: INSAN, 2003 p. 496. (In Russ.)
11. Kazakov E. P., Starostin P. N., Khalikov A. H. Archaeological sites of the Tatar ASSR. Kazan: Tatar Publishing House, 1987. p. 240. (In Russ.)
12. Krasilnikova K. I., Apareeva E. K. Dialogue of cultures in stone-cutting art. Based on the materials of the statuary complexes of the steppe region / Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; (ed. by A. G. Sitnikov, F. Sh. Khuzin). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. p. 368: ill. (In Russ.)
13. Malov S. E. Bulgar and Tatar epigraphic monuments // Epigraphy of the East. M.- L., 1947. Issue I. pp. 38-45. (In Russ.)
14. Malov S. E. Bulgar and Tatar epigraphy // EV. M.-L., 1948. Issue II. pp. 41-48. (In Russ.)
15. MIRAS-HERITAGE. Vol. 1. Tatarstan-Crimea. The town of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923-1929: in 3 vol. / Compiled and edited by S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov. OOO “Aster Plus”, 2016, – 580 p. (In Russ.)
16. MIRAS-HERITAGE. Vol. 2. Tatarstan-Crimea. The town of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923-1929: in 3 vol./ Compiled and edited by S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov. OOO “Izdat-Print”, 2016, – 572 p. (In Russ.)
17. MIRAS-HERITAGE. Vol. 3. Tatarstan-Crimea. The city of Bolgar and the study of Tatar culture in Tatarstan and Crimea in 1923-1929: in 3 vol./ Comp. and ed. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov. OOO Aster Plus, 2017, – 720 p. (In Russ.)
18. Mukhametshin D. G. Tatar epigraphic monuments. Regional peculiarities and ethnocultural variants. The series "Archaeology of the Eurasian steppes". Issue 6. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2008. p. 132. ill.). (In Russ.)
19. Mukhametshin D. G., Khakimzyanov F.S. Epigraphic monuments of the city of Bulgar. Kazan. Kazan, 1987. p. 128. (In Russ.)
20. Neymat M. The Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. Vol. 1: Arab-Persian-Turkic inscriptions of Baku and Absheron of the 11th- early 20th century. Baku: Elm, 1991. p. 248. (In Russ.)
21. Nurieva F. S. The language of written monuments of the Golden Horde period // The history of the Tatars of the Western Urals. Volume I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. The Tatar medieval states. A collective monograph. – Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. p. 464 + 4 p. c. incl. (In Russ.)
22. Rahim A. Tatar epigraphic monuments of the XVI century. // Proceedings of the Society for the Study of Tatarstan. Kazan, 1930. T. I. pp. 145-172. (In Russ.)
23. Tatar epigraphic tradition. Vol. 1: Bulgarian epigraphic monuments of the XIII-XIV centuries. Book 1. / Author's comp.: I. G. Gumerov, A. M. Akhunov, V. M. Usmanov. Kazan: G. Ibragimov Institute of Fine Arts, 2021. p. 160. (In Russ.)
24. Trepavlov V. V. History of the Nogai Horde. 4th ed., rev. and additional. M.: Quadriga, 2024, – 1048 p. (In Russ.)
25. Monuments of Tatar writing. Epigraphic materials of the first Tatar cemetery in Chistopol / D. G. Mukhametshin, R. G. Nasyrov; REV. MN. A. G. Sitnikov, A.V. Sirenov. Kazan: Nauka Publishing House, 2023. Electronic catalog: 468 pages. (Series "Monuments of Tatar writing"; 1st ed.). (In Russ.)
26. Usmanov V. M. Epigraphy of the Golden Horde / Olug is very dated to the period between 1280-1445. The seventeenth book. Kazan, 2023.p. 500: fig. c). (In Russ.)
27. Usmanov M. A. The cherished dream of Husain Faizkhanov: a story about life and work [monograph] / Moscow. Islam. in-t,; under the general editorship of D.V. Mukhetdinov; scientific ed., author. introductory article, comment by D. M. Usmanov. Series: "Islamic thought in Russia: rebirth and reinterpretation." Moscow: ID "Medina", 2023. p. 352: ill. (In Russ.)
28. Feyzkhanov H. Three tombstone Bulgarian inscriptions. Proceedings of the Archaeological Society. St. Petersburg, 1863. Vol. IV. pp. 396-404. (In Russ.)
29. Khakimzyanov F. S. The language of the epitaphs of the Volga Bulgars. M.: Nauka, 1978. p. 206. (In Russ.)
30. Khalit N. Tatar palace complexes of the XV – XVI centuries: Some patterns of architecture // Origins and evolution of the artistic culture of the Turkic peoples: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 150th

© 2024 Global Journals

anniversary of the birth of educator, artist Sh.A. Tagirov (Kazan, April 17-18, 2008). Kazan, 2009. P. 392). (In Russ.)
31. Shikhsaidov A. R. Epigraphic monuments of Dagestan of the X-XVII centuries. as a historical source. Moscow, ed. Nauka, 1984. p. 464. (In Russ.)
32. Epitaphs of Muslim scholars in Samarkand: 10th-14th centuries / edited by Bakhtiyar Babadjanov… [et al]; project director Halit Eren.- Istanbul: Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2019. (In Russ.)
33. Yusupov G. V. Introduction to the Bulgarian-Tatar epigraphy. M. – L., 1960, pp.92-93. (In Russ.)

© 2024 Global Journals